

Духин Я.К., кандидат исторических наук, доцент
Костанайский государственный педагогический институт

ОРЕНБУРГСКИЙ И ОМСКИЙ ЗАГОВОРЫ ССЫЛЬНЫХ ПОЛЯКОВ в 30-е годы XIX в.

В одном из номеров «Вестника» (2005 г., №2) нами повествовалось об условиях польской политической ссылки в Казахстане. В настоящем очерке продолжим тему, но в несколько ином аспекте – расскажем о попытках ссыльных организовать заговоры с целью осуществить побег из неволи на родину и продолжать борьбу за независимую Польшу.

Итак, Оренбург, октябрь 1833 г. В один из дней месяца среди поляков, находящихся под надзором в местном гарнизоне, были произведены аресты. Поводом к ним послужил донос содержащегося в Оренбургском тюремном замке мещанина Старикова, который, со слов соседа по камере поляка Людвиг Мейера, сообщал коменданту города генералу Р. Глазенапу, что служащие в оренбургских батальонах польские ссыльные намерены произвести в крае мятеж, распространить восстание по всей Оренбургской губернии и Сибири и способствовать освобождению сосланных поляков [1; л.15]. Главными предводителями мятежа назначались Т. Зан (должен был возглавить польское правительство!) и И. Виткевич (возможный организатор военных сил!) [2; с.586]. По свидетельству доносчика, заговорщики распространяли слух о том, что якобы «в Москве и С. Петербурге все бунтуют и что государь неизвестно куда уехал», а великий князь цесаревич Константин Павлович «будучи огорчен тем, что государь император Николай Павлович возшел на всероссийский престол не по старшинству ..., командуя французскими войсками», пробирается в пределы «российские для восшествия на всероссийский престол» [1; л.15-17]. Расчет был на создание нестабильной обстановки в крае.

Однако образованная следственная комиссия после длительного расследования вынуждена была признать, что «хотя мещанин Стариков донес со слов рядового Мейера о злоумышленном заговоре некоторых поляков, но они в таком заговоре не сознались, и по исследованию ... не открылось никаких обстоятельств, относящихся к их обвинению ...» [3; л.18-18 об.].

Нам представляется, что следственная комиссия, возглавляемая генерал-губернатором В. Перовским, несколько лукавила, поскольку не была заинтересована в придании делу большого размаха (дабы не навлечь гнева Петербурга за халатность по надзору за ссыльными) и стремилась его замять.

В Оренбурге еще не успели опомниться от тревожных дней следствия, как 10 февраля 1834 г. к В. Перовскому прибыл курьер с известием о раскрытии заговора поляков в Астрахани. Тамашний военный губернатор Вяткин извещал коллегу о том, что «некоторые из находящихся в Астрахани поляков имели преднамерение произвести в городе общее возмущение и нападение вооруженной рукою». Во главе заговора стояли инженер-прапорщик кн. Урусов и польский ссыльный канцелярист Янишевский [4; л.1].

Особенную тревогу властей вызвало намерение астраханских заговорщиков привлечь на свою сторону «киргиз, кочующих за Уралом», послал к ним организаторов. В связи с этим атаман Уральского казачьего войска предпринял ряд экстренных предохранительных мер. Оренбургскому губернатору он доносил: «... я предписал вместе с сим командирам

дистанции Нижне-Уральской Линии, начальнику Узенской дистанции и управляющему Илекской станцией со всею бдительностью наблюдать за спокойствием между киргиз Внешней и Внутренней орд, и ежели будет замечено какое-либо волнение или толки, клонящиеся к нарушению спокойствия, тот час доносить мне, принимая меры, дабы киргизы не нанесли какого-либо вреда на границе нашей, а букеевцы не прорвались через оную» [4; л. 3 об.].

Благодаря своевременным предпринятым Урусовым мерам предосторожности, следственной комиссии не удалось до конца выявить замыслы арестованных по делу Астраханского заговора, которые тем не менее были преданы суду по полемому уголовному положению [2; с.604].

Между этими двумя попытками обрести свободу «вооруженной рукой» много общего – цели, ориентация не только на собственные силы, но и на поддержку местного населения, среди которого надеялись получить укрытие во время побега.

Необходимо однако признать, что обе попытки вряд ли имели тенденцию к развитию и реальному воплощению целей. Заговоры сами по себе были незрелыми, их осуществлению мешала разобщенность ссыльных, отсутствие надлежащей конспирации, они скорее носили авантюрный характер без достаточного учета своих сил и реальной обстановки в крае.

Имея много общего с предыдущими заговорами, омский отличался значительностью круга участников, методами пропагандистской деятельности, более определенными целями и попытками их реализации.

В июне 1833 г. находившийся в Омске ссыльный поляк Иван Высоцкий сделал донос о якобы готовящемся крупном военном восстании ссыльных поляков в Западной Сибири. По его сведениям, во главе заговора стоял сосланный за участие в восстании

декабристов Горский, который «посредством 360 поляков, отправленных ... для укомплектования линейных Сибирских батальонов, находящихся в Томске, Красноярске и Иркутске, и долженствовавших вступить 10 июня в Тару ..., вознамерился произвести в действо злой умысел свой ...» [5; л.1-1 об.] Началось лихорадочное следствие по делу Горского, которое, как это было и в Оренбурге, пришло к выводу, о ложности доноса Высоцкого, не имевшего под собой никакой основы [5; л.2]. Кстати, О.В. Горский действительно не имел никакого отношения ни к заговору поляков, ни даже к декабристскому движению. Во время следствия по делу 14 декабря он отрицал свою причастность к нему, заявив, что на Сенатской площади оказался совсем случайно. Находясь в ссылке, он заслужил репутацию доносчика и кляузника, человека с явно неуживчивым характером [6].

Встревоженный наличием революционного духа, генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов умалывает военного министра «прекратить сюда присылку поляков и других наций людей, происходящих из ученого класса, шляхты и крамольников революции, упитанных ненавистью по всему священному, которые под личиной любви к отечеству ядом красноречия своего, легко могут увлечь покорных и простодушных солдат бывшей Польской Армии, которых прибыло уже к вверенному мне корпусу 2125, да ожидается 492 человек» [5; л.32].

Тревога Омского военного губернатора была не напрасной. Как это часто бывает, расследование ложного доноса Высоцкого привело к открытию действительно существовавшего между ссыльными поляками в Омске обширного заговора. Во время следствия была обнаружена недозволенная частная переписка рядового 1-го линейного Сибирского батальона В.Дружиловского с рядовым 13-го линей-

ного Оренбургского батальона Журавицким и другими поляками «о каком-то предприятии и стихи возмутительного содержания» [5; л. 48 об.]. Этого было достаточно, чтобы произвести широкие аресты среди ссыльных и назначить новую следственную комиссию. Уже вскоре комиссии стали известны имена руководителей нового заговора. Это были учитель Омского казачьего училища ссыльный Я. Сероцинский, рядовые К. Шокальский и В. Дружиловский. Все трое были активными участниками польского восстания 1830–1831 гг. Смертная казнь по конфирмации главнокомандующего карательными войсками в Польше генерала Сакена заменялась им лишением всех прав и отправкой в солдаты сибирских линейных батальонов.

Когда в Омске образовалось казачье училище и понадобился учитель, вспомнили, что Сероцинский окончил Виленский университет, был профессором и наблюдателем за школами. В училище он получил право преподавать географию, французский язык, российскую грамматику. Сероцинский был душой сосланных в Западную Сибирь поляков. Его омская квартира притягивала к себе ссыльных, в ней велись горячие споры и разговоры, разрабатывались планы [7; л.595]. Здесь и была составлена прокламация, озаглавленная «Злоупотребления в Российском государстве». В ней, в частности, говорилось:

«Дворянству дана совершенная власть над крестьянами, с обидою чиновничества и всех прав природы, мы же все от одного Адама происходили.

Чиновники справедливость продают за деньги, и вместо порядка сами первые угнетают народ. Царствующий собирает подати и рекрут, а народу никакого отчета в оных не дает, куда деваает, ...

... Чтобы народ не мог поднять голову и требовать свое, – содержит его в темноте и несправедливости, вы-

сочайшею же обидою есть для человечества воспрещения печатания книг, воспрещение путешествий и т.д.

Солдаты как нельзя хуже содержатся и ... влекут ярмо неволи и даже кровь проливают...

Реформа на это может содержаться в кратких словах: «нет Господ – нет Государя» [8; л.214-215].

В прокламации выдвигались требования большого общественного звучания, и рассчитана она была на агитацию и привлечение к заговору солдат, заводских рабочих, крестьян и туземного населения, в среде которых «злоумышленники покушались посеять дух мятежа внушением им о бедственном их положении».

Интересной является попытка заговорщиков установить связи с казахским населением. В случае удачи восстания поляки намеревались пробраться через казахстанские степи за границу, а потому им необходима была помощь со стороны местного населения. С этой целью Сероцинский решил привлечь к участию султана Чингиза Аблай Валиханова (отца Чокана Ч. Валиханова). Валиханов познакомился с Сероцинским у учителя Курбанакова, с помощью которого последний обучался татарскому языку. Однако близких сношений с Валихановым установить не пришлось, помешал арест [7; л.190 об.]. Знал Сероцинский и о султани Турсуне и в письме Шокальскому, «... описывая азиатские народы, граничащие с Сибирью, писал о самом султани, что он начальник над киргизами, живет в Каркаралах и ... чтобы он, Шокальский ... познакомился с сим султани ...» [7; л.565 об. - 566]. В Тобольске в начале 1833 г. между Шокальским, Сангушко и султани Чингизом состоялась встреча и беседа. Между ссыльными в Омске распускались слухи, «что киргизы и бухарцы согласны принять их к себе, что бухарцы, для сопровождения их присылали трех человек с деньгами, что в Буха-

рию бежало уже несколько сот плен-ных поляков с Оренбургской линии ...» [7; л.586 об.].

На следствии рядовой Груздинский показал, что в Усть-Каменогорске «... Рубинский говорил, что имеет знакомство с киргизами, султанами и киргизами из Бухарии». Сероцинский советовал товарищам налаживать дружбу с казахами, ближе знакомиться с ними, а Восинскому говорил, чтобы тот, «живя на линии, обходился с киргизами ласково» [7; л.311, 434 об.].

Заговорщиками были разработаны конкретные планы действия. В ночь на 25 июля предполагалось зажечь суконную фабрику линейного сибирского казачьего войска, кинуться к острогу и освободить арестантов, разоружить в казармах солдат, захватить все оружие, у пушек заклепать замки и всем идти в киргизскую степь. Намечались и другие, более широкие цели. Ссылный Федорович показал комиссии военного суда, что якобы заговорщики планировали «Сибирь отделить от России, с тем, чтобы она была отдельным государством ... Казань также отделить от России ... Предполагаемому отделению Сибири и Казани от России должно предшествовать убийство Государя императора ...». На следствии «В. Дружиловский отверг это показание Федоровича» [7; л.59, 301-301 об.].

Нити заговора распространялись по всей Западной Сибири, охватывая города Омск, Петропавловск, Оренбург, Тобольск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск и другие. В Усть-Каменогорске Катан Рубинский ходил по казармам и «помышляя о бунте», агитировал солдат на выступление. Здесь же он близко познакомился с декабристом М.Ив. Муравьевым-Апостолом, который обещал материальную помощь восставшим полякам [7; л.434 об.].

Сероцинский пытался установить связи с поляками, находящимися в Оренбургской губернии и на Урале. Для этой цели он «имел при себе транспарант для секретной переписки

и слепки печатей, разных присутственных мест». В архивном деле о заговоре имеются свидетельства о русском солдате Меледине, отправленном в ссылку в сибирский линейный батальон. В своих письмах Сероцинскому и Шокальскому он «желал успеха в их предприятии и советовал не ошибаться в товариществе, напоминая, что через это обнаружился в 1825 году союз благоденствия» [7; л.594 об.].

В июле 1833 г. Сероцинский, Шокальский и другие участники заговора были арестованы и вместе с отобранными у них письмами и бумагами предстали перед следственной комиссией. Аресты были произведены не только в Омске, но и в других городах. Оставшиеся еще на свободе поляки намеревались освободить арестованных, и когда это не удалось, намерены были поднять восстание и бежать в киргизские степи [7; л.588]. Это была отчаянная попытка, также неудавшаяся. Последовали новые аресты, число взятых под стражу достигло 1000 человек.

Образованная для следствия комиссия из Омска вскоре перебралась в Тобольск, из Петербурга в 1834 г. Прибыла еще одна. Третье отделение придавало омскому заговору ссылных поляков серьезное значение.

Во время следствия находящийся в тюрьме Сероцинский и его товарищи не пали духом; он и здесь писал революционные стихи, распространяя их среди арестованных, оживляя тем их надежды и энергию, укрепляя революционный дух.

Следствие затянулось надолго и только осенью 1835 г. было вынесено определение генерал-губернатора. После окончания производства суда Шокальскому, Меледину и Зубчевскому удалось совершить побег в Оренбургскую губернию. «Шокальский играл в дороге роль войскового доктора, Зубчевский – фельдшера, Меледин – лакея. В станице Пресновской они были узнаны и возвращены в Омск» [9; с.79].

Решение суда было на редкость суровым. Все, привлеченные к следствию, были разделены по степени участия в заговоре на 7 разрядов. Наиболее жестокой экзекуции были подвергнуты Я. Сероцинский, К. Шокальский и В. Дружиловский, которых предназначалось «вместо определенной им военным судом смертной казни, наказать шпицрутенами через тысячу человек по шести раз каждого и, исключив из воинского звания, сослать в каторжную работу в Восточную Сибирь» [7; л.600].

2 марта 1836 г. была назначена экзекуция над осужденными. Первым сквозь строй повели К. Шокальского. После пяти тысяч шпицрутенов он потерял сознание, врач Соколинский настоял на прекращении наказания и добился отправки Шокальского в госпиталь. Последним водили Серацинского. Перед наказанием он не терял силы духа, был спокоен и отказался принять крепительные таблетки. Слабый, подорванный тюрьмой организм, не выдержал. От шпицрутенов погибли также Дружиловский, Загурский, Врублевский, Меледин. Шокальский после поправки в лазарете отходил еще тысячу ударов и на другой день был отправлен на каторгу в Нерчинские рудники. В Сибири он занимался лечением крестьян, каторжан, бедняков и вел трудную бедную жизнь. Не выдержав тяжести положения, страшно тоскуя по Родине, он застрелился [9; с.83].

Еще долго после окончания дела по заговору Сероцинского под влиянием страха, которое оно произвело на местные власти, поляков подозревали в попытках на продолжение злых умыслов Сероцинского. Так, обвиненные в таких «грехах» 4 ссыльных поляка Пресновской станицы были наказаны и отправлены в Усть-Каменогорск, где пять лет проработали в кандалах и в 1845 г. направлены солдатами в Нерчинск [9; с.83].

Анализ материалов по истории двух заговоров позволяет предположить вероятность контактов омичей с оренбуржцами. Кстати, следственная комиссия в Омске имела на сей предмет доказательства – вышеотмеченную переписку Дружиловского с оренбургскими ссыльными поляками. Видимо, не случайно некоторые арестованные омичи сделали попытку побега именно в сторону Оренбурга, где рассчитывали найти поддержку в лице местных заговорщиков. И еще. И там и тут практически одновременно вынашивались одни и те же замыслы, да и предлагаемые меры по их осуществлению имели много общего, что дает некоторые основания считать Оренбургский и Омский заговоры звеньями одной цепи. И причины неудач Омского заговора аналогичны причинам провала заговора Оренбургского.

Участники описанных событий были людьми, прошедшими школу революционного движения в Польше, людьми деятельными, решительными, не смирившимися с условиями ссылки, и их намерения приобрести свободу никак нельзя объявлять безрассудными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф.6, оп.18, д.94.
2. Исторический вестник. СПб, 1889, декабрь. Впоследствии Т. Зан и И. Виткевич внесли весомый вклад в научное изучение Казахстана.
3. ГАОО, ф.6, оп.10, д.4094^а.
4. ГАОО, ф.6, оп.18, д.97.
5. Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф.9 (секретные дела), оп.64/5, д.5.
6. Очерки истории города Омска. Том I. Дореволюционный Омск. / Под ред. А.П. Толочко. Омск, 1997. С.111.
7. ЦГВИА, ф.9 (секретные дела), оп. 64/5, д.5, ч.3.
8. ЦГВИА, ф.9 (л.), оп. 109/86, д.5.
9. Максимов С.В. Собрание сочинений. Т.3. Изд.4. СПб., 1908.